

ВПЕРЕДЪ

Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЖЕНЕВА.

1 мая

ИЗДАНИЕ ИДЕЙНОЙ ГРУППЫ „ВПЕРЕДЪ“

1916.

ПЕРВОМАЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

ПЕРВОЕ МАЯ 1916 ГОДА.

Товарищи!

Съ этимъ священнымъ словомъ не можемъ мы обратиться ко всѣмъ, кто именуетъ себя социалдемократомъ. Увы! Не всѣ социалъ-демократы намъ теперь товарищи. Многіе изъ нихъ стали намъ страшными врагами. Кровавые рубцы протянулись по лицу Интернаціонала.

Но да не подумаетъ читающій эти строки, что мы говоримъ о поляхъ битвы, о линіяхъ траншей, разорвавшихся пролетаріатъ. Страшно это, но еслибы по простетвію почти двухъ лѣтъ съ начала войны только эти разъединяющія насъ границы ощущались бы на единомъ во всемъ остальномъ сердцѣ рабочаго класса — было бы погоря. Не долго терпѣли бы мы бойню, въ которую втащили насъ наши эксплуататоры. Мы уже примирились со стыдомъ и срамомъ того факта, что, застигнутые врасплохъ, не сумѣли наложить грозное „вето“ на войну въ самомъ ея началѣ. Да, мы вполнѣ примирились бы съ этимъ тяжелымъ ударомъ нашей революціонной гордости, еслибы чувствовали, что *теперь*, одумавшись, пролетаріатъ уже сознаетъ свое единство и всю тяжесть преступленія, одинаково ложащуюся на правительства всѣхъ странъ.

Но этого нѣтъ, дорогие товарищи! Этого нѣтъ! Не нѣмецкій рабочий врагъ русскому, не австрійскій — итальянскому и т. д. Внутри социалистической партіи каждой страны находится иной, болѣе рѣзко и непримиримо очерченный фронтъ.

О, какъ многіе изъ печальныхъ героевъ траншей бросались бы другъ къ другу съ объятіями, послѣдовали бы совѣту истиннаго героя этихъ черныхъ дней мужественнаго Карла Либкнехта, крикнувшаго имъ съ трибуны самого империалистскаго рейхстага: „Обратите ваше оружіе противъ врага въ своей собственной странѣ!“ Какъ быстро сплывались бы пока враждебные полки, если бы въ каждомъ пролетаріатѣ провлатой силой не подымался собственный адювантій шовинизмъ!

На грязныхъ перьяхъ хитрыхъ газетчиковъ, на револю-

веры офицеровъ не удержали бы солдатъ, по крайней мѣрѣ солдатъ, озаренныхъ социалистической совѣстью, отъ взаимнаго братанья, котораго робкія начала имѣли мѣсто еще на Рождество 1915-го года. Ни полицейскіе окрики, ни уговоры Ветмановъ и Милюковыхъ не удержали бы рабочихъ отъ порыва бросить гнусную работу по изготовленію челоукоубійственныхъ машинъ! Ни угрозы, ни убѣжденія не остановили бы изстрадавшихся женщинъ городской бѣдноты, взявъ на руки своихъ чахнувшихъ младенцевъ, пойти на площади, къ окнамъ дворцовъ и парламентовъ съ ничѣмъ не заглушаемымъ воплемъ о мирѣ.

Но есть одна сила, которая мѣшаетъ всему этому. Эта сила живетъ въ груди самого пролетаріата. Самъ пролетаріатъ одержимъ демономъ, который затыкаетъ ему уши, чтобы не слышалъ онъ голоса правды, смыкаетъ уста его, чтобы онъ не протестовалъ противъ преступленія. Да, двѣ души живутъ въ тѣлѣ единаго пролетаріата. Врагамъ удалось отравить социалистическое сознаніе. Подъ грохотъ пушечныхъ канонадъ, подъ стонъ умирающихъ, подъ трескъ испепеленныхъ городовъ и деревень, подъ плачъ лишенныхъ крова бѣженцевъ — изверги, которые являются виновниками этого ада, съ новой силой подняли проповѣдь давно уже направляемую къ рабочимъ: твой настоящій врагъ за границей, тамъ куютъ козни противъ тебя, замышляютъ накинуть петлю на твою родину, на ея экономическую жизнь, подрѣзать корни ея благосостоянія и осудить тебя и всѣхъ твоихъ на жалкую медленную гибель.

И въ то время, какъ русскіе апостолы самозащиты указываютъ при этомъ на нѣмцевъ, нѣмцы, говоря то же въ то же самое, указываютъ на русскихъ.

О, еслибы пролетаріатъ каждой страны заключенъ былъ глухими стѣнами, каждый въ особую залу, не слышалъ бы того, что говорится въ другой, и не могъ бы сговориться съ товарищами по ту сторону границы. Стыдъ намъ былъ бы меньшимъ. Но этого нѣтъ. Мы были организованы въ единый Интернаціоналъ, мы тысячу разъ имѣли случай сравнивать злые рѣчи шов-

нистовъ всѣхъ странъ. Какъ же могли мы повѣрить безсмыслицѣ о томъ, что „всѣ защищаются!“ Какъ могутъ нѣмцы-рабочіе вѣрить, что ихъ отечество ведетъ войну священной обороны, въ то время, какъ англійскіе рабочіе также свято вѣрятъ, что Англія защищаетъ себя и міръ отъ алчности Германіи? Неужели они уже не въ силахъ видѣть, какъ выгодно для буржуазіи каждой страны развернуть ложное знамя обороны, чтобы разъ навсегда заставить пролетаріатъ признать себя пушечнымъ мясомъ для безответственныхъ генераловъ и дипломатовъ, въ которыхъ воплощается эта обманная „оборона“, это ложное „отечество“?

Путемъ страшно долгой, хитрой, вкрадчивой работы проникалъ бѣсъ мѣщанскаго націонализма въ сердца рабочихъ. Ему имя до войны было — реформизмъ.

Соціалъ-реформизмъ училъ: „пролетаріатъ каждой націи борется на почвѣ особой политической, культурной, экономической дѣйствительности. Его благосостояніе зависитъ отъ благоустройства того государственнаго цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ, и въ которомъ ему дано право слова. Вотъ тутъ его реальная работа, тутъ, въ заботѣ о процвѣтаніи національнаго хозяйства и въ борьбѣ за увеличеніе своей доли въ его плодахъ.“

Да, но это національное хозяйство повсюду хищническое, повсюду поконится на эксплуатаціи. Во всѣхъ крупныхъ державахъ оно выжимаетъ потъ и кровь изъ тѣхъ или другихъ обираемыхъ покупателей, зависимыхъ и угнетаемыхъ націй, или съ звѣрской жестокостью изнуряемыхъ колоній. Долженъ ли пролетаріатъ принять все это? — Развѣ вы не помните, что реформисты на Штуттгартскомъ конгрессѣ требовали отъ Интернационала, чтобы онъ отвѣтилъ: „да, долженъ!“

Но слишкомъ трудно было ждать, чтобы рабочій призналъ себя въ правѣ поддерживать своего капиталиста въ его открытыхъ хищническихъ набѣгахъ. Реформисты однако успѣли втереться къ рабочему съ иной стороны: „Капиталистъ — хищникъ?“ спрашивали они. — „Хищникъ“, отвѣчалъ рабочій. „Великія державы — это шайки империалистовъ, готовыхъ обрушиться на сосѣдей?“ — Истина. — „Въ такомъ случаѣ ты понимаешь, среди какихъ опасностей живешь и насколько утопична привычка соціалистической партіи голосовать противъ милитаризма. Пока не грянулъ громъ — вы вѣрны были этому правилу, но не ясно ли, что каждый изъ васъ почтетъ своимъ первымъ и естественнымъ долгомъ защитить отечество, если оно подвергнется нападенію одного изъ хищныхъ сосѣдей? И вотъ испытаннѣйшій вождь рабочихъ, Августъ Бебель, отвѣчаетъ на это: „Конечно, я первый въ этомъ случаѣ взялъ бы ружье и пошелъ на границу“. Напрасно политическая мудрость устами Каутскаго гласила, что всякому правительству всякую войну легко будетъ представить, какъ оборонительную. Проходя мимо этого, рабочій Интернационалъ, вмѣстѣ съ революціонерами, обѣщая безпощадную борьбу противъ войны, тѣмъ же духомъ устъ, вмѣстѣ съ реформистами и въ духѣ ихъ ученія, признавалъ обяза-

тельной защитѣ отечества каждымъ пролетаріатомъ? И подъ защитой отечества разумѣлась не общая борьба всѣхъ пролетаріевъ въ полномъ единствѣ и согласіи противъ того строя, который по существу своему не можетъ не угрожать сегодня одному, завтра другому отечеству, нѣтъ, — подъ этимъ разумѣлось, что если дипломатамъ удастся подать войну подъ такимъ соусомъ, что она можетъ сойти за самооборону, то пролетаріатъ долженъ заключить немедленный союзъ со своими эксплуататорами и со своими властями и выступить въ походъ противъ чужой арміи, включающей въ себя такихъ же пролетаріевъ, такъ же точно обманутыхъ!

Жоресъ незадолго до своей смерти — несмотря на то, что онъ, какъ реформистъ, стоялъ на той же ошибочной точкѣ зрѣнія обязанности защищать отечество подъ руководствомъ отечественныхъ генераловъ — тѣмъ не менѣе, въ силу своего огромнаго революціоннаго темперамента и практическаго гения, началъ титаническую работу, организуя наспѣхъ интернаціональный аппаратъ, который *свою* интернаціональную информацію, *свою* правду, *свою* волю, воплощающую душу всего соціалистическаго пролетаріата, смогъ бы противопоставить разноязычной лжи, разноязычному преступленію дипломатовъ. Но уже было поздно.

И вотъ до сихъ поръ реформисты во всѣхъ странахъ продолжаютъ доказывать пролетаріату, что каждый шагъ къ истинному (боевому) сближенію его съ пролетаріями другихъ странъ ослабляетъ отечество въ его роковой борьбѣ, что каждый энергичный протестъ противъ войны и каждое требованіе мира — есть нападеніе съ тылу на собственныхъ товарищей, изнемогающихъ въ оборонительной борьбѣ на поляхъ битвы!

Намъ говорятъ, что не всѣ оппортунисты-реформисты держатся такого взгляда, что иные соціалисты революціоннаго крыла оказались жертвами военныхъ увлеченій. Но это не можетъ измѣнить дѣла въ его существѣ. Пусть тотъ или иной реформистъ, увидя къ чему въ концѣ концовъ привела проповѣдь борьбы на національной почвѣ, въ мирныхъ парламентскихъ формахъ за мелкія, данныя страной, ограниченныя цѣли, пусть такой реформистъ съ ужасомъ отпрянулъ отъ зрѣлища, подготовленнаго имъ и его товарищами, союза пролетаріевъ съ собственной буржуазіей для слегка лишь замаскированнаго империалистическаго хищничества, пусть тотъ или иной, считавшій себя революціонеромъ, внезапно оказался жертвой проснувшихся въ немъ націоналистическихъ инстинктовъ — сути дѣла это не мѣняетъ: есть два пути у пролетаріата: *путь революціонной борьбы* за социализмъ, на которомъ его собственное правительство, его собственная буржуазія являются для него первымъ и самымъ страшнымъ врагомъ, на которомъ нѣтъ у него товарища ближе и дороже, чѣмъ братъ пролетарій всякой другой страны; и *путь сговора* со своими эксплуататорами на предметъ процвѣтанія своего государственнаго производства цѣною эксплуатаціи другихъ народовъ. Оборона отечества есть лишь

маска на лицѣ этого второго хищническаго по существу пути, который совершенно ложно именуется себя социалистическимъ. Рабочій долженъ выбирать: если онъ *социалистъ*, онъ *интернационалистъ*, и съ разгромомъ своей собственной страны онъ можетъ бороться только такъ же, какъ съ разгромомъ любой другой: не въ арміи царей, но въ международной рабочей арміи. Если же онъ *націоналистъ*, если онъ, *при какихъ бы то ни было условіяхъ*, считаетъ возможнымъ подъ верховнымъ руководствомъ кайзеровъ и канцлеровъ, царей и министровъ драться съ другимъ народомъ — онъ ни въ какомъ случаѣ не социалистъ, онъ въ лучшемъ случаѣ желанный членъ національ-либеральной рабочей партіи.

Наша страшная бѣда именно въ томъ, что *очень* многіе среди социалистической интеллигенціи оказались окончательно такими національ-либералами, но либо не понимаютъ этого, либо по расчету оставляютъ на себѣ личину социаль-демократовъ. Наша бѣда въ томъ, что въ теченіе годовъ проникалъ этотъ ядъ въ самую гущу пролетаріата и что и тамъ, частью на основѣ невѣжества, еще сильнаго среди темныхъ слоевъ рабочаго класса, частью на основѣ группового эгоизма, захватывающаго иногда нѣкоторые обмѣщавшіеся элементы квалифицированныхъ рабочихъ, онъ свилъ себѣ гнѣздо и приобрѣлъ болѣе или менѣе многочисленныхъ сторонниковъ.

И цѣлыя толпы рабочихъ, цѣлыя группы партійныхъ руководителей мечутся между революціонерами и націоналистами внутри нашей собственной партіи и, ради химеры единства между силами, явно устремленными въ противоположныя стороны, мѣшаютъ торжеству ясности въ нашихъ мысляхъ и нашихъ дѣлахъ.

Тоже происходитъ и въ Россіи. Въ первое время, когда одна часть нашихъ депутатовъ была сослана на каторгу за свой яркій интернационализмъ, а другая, съ совершенной опредѣленностью протестуя противъ войны, отказала царскому правительству въ военномъ бюджетѣ, можно было думать, что русскій пролетаріатъ — въ силу самой свирѣпости своего правительства, самой отсталости политическихъ формъ жизни своей страны — менѣе способный поддаться соблазну басни объ общенародной войнѣ — остался вѣренъ знамени Интернационала.

Но вотъ къ кучкѣ социаль-патріотовъ за границей стали присоединяться голоса видныхъ литераторовъ, представителей правой половины нашей партіи; но вотъ стали замѣтны колебанія въ одномъ изъ нашихъ крупныхъ центровъ, въ Организационномъ Комитетѣ; но вотъ выяснилось, что меньшевики въ союзъ съ социаль-патріотами сорвали опредѣлившуюся въ началѣ побѣду интернационалистовъ въ Петроградѣ; выяснилось, что рабочіе пошли въ ловушку военно-промышленныхъ комитетовъ, что одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ какъ будто интернационально мыслящіе, представители того же теченія съ разными оговорками стали протягивать руку фактическому союзу со своей буржуазіей, а черезъ нее — косвенно — со своимъ правительствомъ. Положеніе въ Россіи за это время такимъ образомъ ухудшилось.

Оно не многимъ улучшилось и на западѣ. Секретарь интернац. бюро Гюисмансъ дѣлаетъ попытки возсоздать распавшійся Интернациональ. Какія жалкія попытки! Начиная свою работу, этотъ бывший товарищъ, расшаркиваясь сперва съ буржуазіей ведущихъ войну странъ и завѣряетъ ее, то онъ ни на одну минуту не предполагаетъ бороться за прекращеніе войны! Страшный фактъ рѣзни между пролетаріями онъ считаетъ вещь вполне правильной и естественной. Онъ желалъ бы только, чтобы социалисты враждующихъ странъ смогли уже сейчасъ переговорить между собою объ условіяхъ мира, когда правительствамъ угодно будетъ признать, что крови пролито довольно. И что же! — Даже это скромное начинаніе встрѣтило сердитый отпоръ со стороны французскихъ социалистовъ.

Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на этой мрачной картинѣ является та пока еще зачаточная организація международныхъ социалистовъ, основы которой положила Циммервальдская конференція. Къ ней примкнули всѣ тѣ социалисты, которые дѣйственно хотятъ вступить въ прямую войну съ войной. Изъ официальныхъ партій странъ, ведущихъ войну, только Италія и Россія представлены тамъ. Въ большинствѣ случаевъ делегаты этой конференціи представляли лишь оставшіеся вѣрными Интернационалу меньшинства. Также будетъ и на слѣдующей конференціи. Но меньшинства эти растутъ.

Товарищи! Мы знаемъ: когда пройдетъ злое очарованіе войны, — сотни тысячъ пролетаріевъ, сейчасъ ошеломленныхъ событіями, отхлынутъ отъ социаль-патріотизма, такъ что мы не боимся никакого раскола: пролетаріатъ не можетъ надолго оказаться въ націоналистическомъ плѣну. Но дѣло идетъ не объ этомъ. Честь пролетаріата, его будущее, задача сохраненія тысячъ и тысячъ жизней, все связано съ тѣмъ, сможемъ ли мы *еще во время войны* достаточно грозно поднять нашъ голосъ, не какъ голосъ французскихъ, нѣмецкихъ или русскихъ рабочихъ, а какъ общій голосъ пролетаріата всего міра.

Такова должна быть наша цѣль повсюду. Такова должна быть наша цѣль и въ Россіи. Пусть оправдаются надежды, которыя въ началѣ войны возлагались на насъ, русскихъ социалистовъ. Пусть русскій рабочій чувствуетъ себя прежде всего не *русскимъ* рабочимъ, а рабочимъ вообще, мировымъ пролетаріемъ, членомъ международного братства, которому всѣ эксплуататоры одинаково ненавистны, всѣ эксплуатируемые одинаково близки. Такому рабочему не можетъ быть мѣста въ военно-промышленныхъ комитетахъ. Такой рабочій ведетъ вокругъ пропаганду за протестъ своей собственной великой державы — Интернационала — противъ всѣхъ другихъ великихъ державъ. Такой рабочій стремится узнать и передать другимъ все, что дѣлается въ этомъ направленіи во всемъ мірѣ. Его сердце бьется въѣстѣ съ сердцемъ смѣлаго и вѣрнаго Карла Либкнехта, съ сердцами тѣхъ рабочихъ, которые привѣтствуютъ его, которыхъ выразителемъ онъ является, съ сердцами всѣхъ, кто, собравшись вокругъ вновь поднятаго крас-

наго знамени, готовятъ самые энергичные, дружные, во всѣхъ странахъ одновременные протесты и демонстраціи противъ войны. Эти протесты, разъ начавшись, "станутъ расти, какъ страшная лавина, и обрушатся на головы запутавшихся правителей, дѣлающихъ войну и, за неимѣніемъ другихъ рѣшительныхъ побѣдъ, преждевременно празднующихъ свою побѣду надъ живымъ духомъ международнаго социализма.

За дѣло, товарищи! Пусть это первое мая дастъ новый толчокъ возрожденію нашей революціонной интернаціональной борьбы противъ страшнаго преступнаго порядка, породившаго войну и купающагося въ крови.

Долой войну!

Да здравствуетъ Новый Интернаціоналъ!

Да здравствуетъ Соціализмъ!

ЖЕНЩИНЫ! ПРОЛЕТАРКИ ВСЕГО МІРА!

Первое мая наступило. Вспомните первое мая. День вашего торжества, праздникъ единенія пролетаріевъ всѣхъ странъ. День, въ который вы гордились вашими мужьями, сыновьями, братьями и вѣрили въ ихъ побѣду надъ врагомъ человѣчества — капиталомъ.

Но вслушайтесь!—Откуда несется этотъ грохотъ... Откуда, замирая, долетаютъ эти вопли... Въ нихъ столько упрека за обманутыя надежды! Всмотритесь въ разсвѣтъ наступающаго утра! — Почему розовая заря вашего лучшаго будущаго затмилась черными тучами, въ которыхъ красными пламенемъ горитъ смерть и пожаръ?

Женщина, да вѣдь это твой сынъ убиваетъ моего сына... Посмотри, какъ жестоки ихъ лица, ты почти не узнаешь близкаго тебѣ... Какой слѣпой яростью горитъ его глаза, полныя свѣтлаго мужества когда то въ день перваго мая. Вотъ твой сынъ палъ. Но я не радуюсь, мать! Пусть погибнетъ и мой. Вѣдь это онъ убилъ его. Какъ посмотреть, что отвѣтитъ онъ мнѣ, когда я спрошу его: „Канитъ, гдѣ братъ твой“?

Черный туманъ окуталъ твой домъ, женщина-пролетарка, въ день перваго мая. Почему не одѣваешь ты дѣтей твоихъ въ праздничное платье? Вѣдь и сейчасъ въ этотъ годъ, сознайся, потихоньку въ безсонныя ночи, измученная каторжной работой на фабрикѣ, ты шла его, о чемъ то мечтая, нашивая красную ленту на передникъ твоей дѣвочки?

Почему же опустила ты свои глаза, женщина, сегодня утромъ, въ утро перваго мая передъ чистымъ вопрошающимъ взглядомъ твоего ребенка, тоже мечтавшемъ о своемъ праздничномъ платьѣ?

Да женщина, ты должна сказать это: — „Его отецъ убійца своего брата. Онъ забылъ свой пролетарскій и человѣческій долгъ, и, какъ ослѣпшій безумецъ, рубить на куски свою надежду. А ты—ты допустила это. Вчера, когда твой сынъ поссорился съ сыномъ сосѣда, ты торопливо сказала: „Поцѣлуйте скорѣе, и вы опять будете любить другъ друга“. Но когда ты видѣла своего мужа, проходившаго по улицѣ въ солдатской одеждѣ

со штыкомъ на плечѣ, ты не крикнула: „Остановись, убей же сначала меня и моего ребенка. Начни съ насъ“! Нѣтъ, съ тупой болью въ сердцѣ ты покорилась. Да покорилась... Страху смерти за твоего мужа подчинила ты свое отвращеніе къ убійству, покорилась нищетѣ, услужливо вползшей въ твой домъ и пирующей теперь съ наглымъ хохотомъ. Ты выпустила даже ненависть, тебѣ совсѣмъ неприсущую, въ твое материнское сердце. Ненависть къ такой же какъ ты замученной матери и женѣ... Сознайся, что былъ день, въ который не дрогнуло твое сердце, когда ты прочитала о жестокостяхъ, творимыхъ озвѣрѣвшими солдатами—твоими братьями, твоими мужьями, твоими сыновьями — надъ дѣтьми твоихъ сестеръ.

Женщина, первое мая пришло! День, въ который на кликъ любви отвѣчалъ призывно кликъ милліона рабочихъ сердецъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Разбейте оковы капитализма! Счастье человѣчеству принесете вы!

Женщина, ты смущена и краснѣешь. Слезы стоятъ въ твоихъ глазахъ. Можно ли вѣрить послѣ того, что случилось, — и ты смолчала? Ты не привыкла судить. Ты привыкла съ робостью смотрѣть на себя, почти какъ не на человѣка.

Ты привыкла повиноваться? Воспрянь женщина и суди! Въ этотъ день... твоихъ разбитыхъ упованій.

Въ эту страшную не пасхальную ночь на первое мая, ночь смерти и распятія многого дорогаго для тебя, въ эту ночь отчаянія — вынеси судъ твой надъ измѣнившимъ рабочему братству. Суди свое терпѣніе и покорность, суди демона рабства въ твоей душѣ и въ душахъ, которые должны были бы быть уже освобожденными. Распи себя за свое молчаніе, распи твоего мужа, отдай на распятіе самого дорогаго тебѣ человѣка за измѣну своему дѣлу. И въ утро перваго мая воскресни съ новой душой, испившей чашу скорби до дна. Но несробѣвшей передъ этимъ. Воскресни въ сіяніи мужества и самосознанія. Преврати стоны покорнаго сердца въ гремѣщій рогъ призывный къ полямъ битвы: „Въ братскія объятія, мы, дѣти одного отца, искупленія человѣчества. Конецъ враждѣ и ослѣпленію! Пусть будетъ воскресеніе твое, о женщина, многомилліоннымъ крикомъ: „Миръ, Миръ...“ Товарищи братья!

Мы родившія васъ, мы ваши матери, вскормившія васъ среди страданій, мы требуемъ мира между нашими дѣтьми — пролетаріями всего міра.

Сладкие революціонно-соціалистическимъ сознаниемъ и интернаціональной организаціей, вы сможете развернуть свое красное знамя борьбы противъ общаго нашего врага капитализма, породившаго эту преступную войну, за великое будущее — социализмъ.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Адресъ для сношеній только изъ за-границы:

Club Russe. Case Plainpalais. Genève. Suisse.

(Для „Впередъ“)